

Ю. О. Лосев

Исповедь нестарого мента

Ю. О. Лосев

Исповедь нестарого мента

О службе и людях.
О времени и о себе.
Без приукрас.
Как есть.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Лосев

Исповедь нестарого мента

«Автор»

2026

Лосев Ю. О.

Исповедь нестарого мента / Ю. О. Лосев — «Автор», 2026

Эта книга - откровенный разговор о закулисе милицейской службы без глянца, романтизации и сглаживания углов. В центре повествования - живые истории человека, прошедшего через систему изнутри, знающего её жесткие законы, профессиональные риски и цену простых человеческих ошибок. В книге собраны случаи из реальной практики: от курьезных будничных эпизодов до драматических ситуаций, где понятие офицерской чести сталкивается с суровой реальностью улицы. Автор от первого лица делится воспоминаниями о работе, коллегах и дежурствах, предлагая читателю взглянуть на службу глазами тех, кто ежедневно сталкивается с изнанкой общества.

© Лосев Ю. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ	7
НАЧАЛО	9
ВМЕСТО ШКОЛЫ МИЛИЦИИ	13
ГОРДОЕ ЗВАНИЕ — МЛАДШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ	15
ПЕРВЫЙ ДОПРОС	18
ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Исповедь нестарого мента

Глава

Художественная литература
Милицейские истории

Все события и персонажи вымышлены, любое совпадение является случайным.

Эта книга — откровенный разговор о закулисной милицейской службе без глянца, романтизации и сглаживания углов. В центре повествования — живые истории человека, прошедшего через систему изнутри, знающего её жесткие законы, профессиональные риски и цену простых человеческих ошибок.

В книге собраны случаи из реальной практики: от курьезных будничных эпизодов до драматических ситуаций, где понятие офицерской чести сталкивается с суровой реальностью улицы. Автор от первого лица делится воспоминаниями о работе, коллегах и дежурствах, предлагая читателю взглянуть на службу глазами тех, кто ежедневно сталкивается с изнанкой общества.

Жанр: Мемуары, документальная проза, криминальный реализм.

Для кого: Для читателей, ценящих правдивую прозу о правоохранительной системе, мужской дружбе, моральном выборе и специфике службы на стыке эпох.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Часто ли вам приходилось менять свою жизнь? Разворачивать её на сто восемьдесят градусов? Заниматься тем, чего вы до этого никогда не делали? Менять работу? Влезать в область, в которой вы ничего не понимаете и где вам — независимо от возраста и стажа работы — придётся начинать с нуля? Быть учеником, несмотря на то что учитель младше вас?

Вот и наш главный герой ещё сегодня стоял у токарного станка, а уже завтра в качестве следователя расследовал уголовные дела, не понимая разницы даже между Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами.

В этой книге описана история простого парня, который в девяностые годы, будучи токарем на заводе и не имея высшего образования, уволился и по совету друзей поступил на службу в МВД. И попал он не в ППС, как хотел, а сразу — раз! — и в следователи. Описаны все трудности, смешные ситуации, с которыми ему пришлось столкнуться, душевные переживания, несовершенство законодательства и решение проблем тогда, когда закон бессилен. И, конечно, потери друзей и сослуживцев...

Главный герой успел побывать следователем, участковым, ППС-ником, но нашёл себя именно в дежурной части, где и задержался до самой пенсии.

*Все события и персонажи вымышлены,
любое совпадение является случайным.
Многие, особенно в больших городах,
шли в милицию, чтобы зарабатывать,
мы же пришли — чтобы работать.*

Большое спасибо, за помощь в создании книги, моим друзьям и родственникам:

А. Сулову

Н. Мельниковой

Е. Юриной

Приятного прочтения...

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Началось всё в начале девяностых. Это было время малиновых пиджаков, бритых голов и коротких кожаных курток...

— Димон, давай к нам в милицию, — сказал Вова Шабеев по дороге из спортивного зала, нашей поселковой «качалки». Доступ туда у нас был свободный: ключ от входной двери я изготовил сам, а тренер не возражал. Так всем было лучше: мы занимались, когда нам удобно, оставляли за собой порядок, водку там не пили, баб не водили и т. д.

— Не-е, мне и в армии надоели короткая стрижка, хождение строем да ещё и форма.

— Ты не прав. У нас всё проще: честь каждому старшему по званию отдавать не надо, строем мы не ходим, а в короткой стрижке ничего плохого нет. В отличие от твоего завода, зарплата у нас всегда вовремя, да и побольше, чем у тебя, будет.

Одним словом, этот разговор окончательно укрепил во мне решение уйти с завода, где действительно платили меньше, чем тогда в милиции, да и делать там больше было нечего. Квартуру, гараж и дачу за пять лет послеармейского стажа я из завода выжать успел, даже зубы у тамошнего стоматолога вставил бесплатно.

Предполагая, что с устройством на работу в наш райотдел у меня могут быть проблемы (так как на тот момент мой родной брат Андрей сидел в тюрьме по четвёртой ходке), я попросил Вовку, который тогда уже работал местным участковым, за меня «похлопотать».

— Димон, просись в ППС, — уговаривал меня Вова. — Они у нас совсем ничего не делают: так, немного по посёлку с палкой ходят за смену — и всё. Ну, может, на семейный скандал какой сходят, протокол составят. А «ночники» — те вообще всю ночь спят, даже иногда трубку телефонную не снимают. Я бы до сих пор там работал, да офицера дали. Сам понимаешь: карьера, продвижение и всё такое.

Судя по Вовкиным словам, работа в ППС должна была мне понравиться. Работать у станка сдельно мне надоело, и хотелось найти дело, чтобы особо не перенапрягаться.

— Да-да, войдите!

— Да-да, войдите!

— Проходи, садись. Володя, а ты чего пришёл?

— Татьяна Ивановна, это мой друг, я так — для поддержки.

Тогда всеми кадрами управлял один человек — Татьяна Ивановна Хабитова, крупная женщина в чине капитана милиции, обладавшая даром убеждения и влияния. Её приятный голос и умение правильно строить предложения действовали на меня успокаивающе, а я действительно волновался. Ещё бы! Ведь ещё недавно я думал совсем о другом — например, как нарвать на чужой даче клубники, яблок или цветов.

— Дима, в какой службе ты хотел бы работать?

— В ППС. Они в нашем посёлке работают, я там всех знаю — и пьяниц, и нормальных людей.

На самом деле я знал почти всех милиционеров из нашего ПОМа, а среди своих всегда проще начинать.

— Как у тебя с жильём?

— Нормально, от завода получил двухкомнатную квартиру.

— На расширение не думаешь встать?

— Нет, семья у меня маленькая, места хватает.

— Если будешь работать у нас, сможешь встать в очередь на расширение. Очередь, конечно, движется не так быстро, как хотелось бы, но наши ребята квартиры получают... Скажи ещё: родственники за границей есть?

— Нет.

— А служил где?

— В ВДВ.

— Молодец. Судимых никого нет?

— Родной брат в настоящее время сидит, уже четвёртый раз.

— Тогда, боюсь, мы не можем взять тебя. Сам понимаешь: ты работаешь в милиции, а родной брат — в тюрьме...

— Татьяна Ивановна, — вмешался Вова. — Понимаете, они совсем разные люди! Живут отдельно, Дима проживает самостоятельно в отдельной квартире, они даже в гости друг к другу не ходят и общих интересов у них нет.

Одним словом, Вова её уговорил, и Татьяна Ивановна, дав мне для заполнения необходимые бумаги, сказала, что если бы не Вова, не быть мне милиционером.

Медкомиссию я прошёл довольно быстро: на заводе у меня был отпуск, и свободные дни находились в полном моём распоряжении. В высших учебных заведениях я никогда не учился, и, естественно, диплома о высшем образовании у меня не было и быть не могло.

Собрав все документы, я снова пришёл в отдел кадров.

— Здравствуйте, Татьяна Ивановна.

— Здравствуй, дорогой. Всё сделал?

— Да, комиссию прошёл, документы собрал.

— Ну, давай сюда, посмотрим... Дима, а почему я не вижу диплома о высшем образовании?

— Да у меня его и нет.

— Поступать на заочное не думаешь?

— Нет, у меня с учёбой не очень.

— Но тогда тебе светят только сержантские должности, офицером тебе не стать.

— Да ничего страшного, сержантами тоже кто-то должен быть.

— Ты всё равно подумай: с высшим образованием возможностей больше. Звание у тебя будет то, с которым из армии пришёл... А что ты скажешь, если я предложу тебе более престижную работу — например, младшим следователем? В ППС сейчас нет свободных мест. Да и что ты будешь всю жизнь с палкой ходить, семейные скандалы разгребать? Представляешь: суточные дежурства, выезды на происшествия, интересные уголовные дела, карьерный рост! Пойдёшь учиться — станешь следователем, а потом старшим. Коллектив там хороший, и, самое главное, зарплата в следствии больше.

Немного подумав, я решил, что в её словах много истины: не ходить же мне и в самом деле по посёлку, где меня все знают, с палкой. Да и перспектива карьерного роста мне тогда нравилась.

Никто ведь не сказал, что на ведение уголовного дела отведено всего два месяца, а по повесткам люди не ходят: говорят, мол, денег на автобус нет, из района ехать далеко, с работы не отпускают и т. д. А чтобы продлить сроки следствия, нужно ехать к прокурору, которому это очень не нравится, и если у тебя нет веских оснований для продления, то по головке тебя за это никто гладить не будет.

Когда к тебе по повестке не идёт подозреваемый («враг») — это ещё понять можно. Но когда не идут потерпевшие («терпилы») — тут совсем обидно. Спрашивается: за каким чертом ты заяву писал, если тебе это не надо?

— Хорошо, Татьяна Ивановна, давайте я буду следователем.

И вот я — человек без специального юридического образования, человек, который ещё вчера стоял у токарного станка и не имел ни малейшего понятия о том, как ведутся уголовные дела, не различавший Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, человек с ПТУшным образованием — стал младшим следователем.

НАЧАЛО

По мере приближения автобуса к моей новой работе прямо пропорционально нарастало волнение. Волновался я, конечно, сильно: ещё бы, столько вопросов! Как примет меня коллектив? Где обедать? В чём ходить на работу? Дадут мне отдельный кабинет или нет? И вообще, я очень смутно представлял себе, в чём заключается работа следователя.

Однако приехал вовремя — к 9:00, к самому началу ежедневного совещания. Зашёл в кабинет начальника следствия. Тогда им была Светлана Петровна Филиппова, майор юстиции — женщина с волевым и требовательным характером, умеющая добиться от подчинённых нужных ей результатов. С такой же лёгкостью она могла и заступиться за своего сотрудника перед вышестоящим руководством в случае незначительного залёта.

Зашёл, сел на свободный стул и с ужасно колотящимся в груди сердцем стал осматриваться.

Коллектив молодой, много девушек, встретив которых на улице, и не подумаешь, что они следователи. Смотрю: все весёлые, никто вроде не волнуется, внимания на меня не обращают — и я понемногу начинаю успокаиваться.

Ровно в 9:00 входит Светлана Петровна.

— Здравствуйте! Так, все замолчали, начинаем. С самого начала хочу представить вам нашего нового сотрудника. Дима, встань, пусть на тебя посмотрят.

Я с бордовым от волнения лицом поднялся. Коллектив весело заулыбался, некоторые даже захихикали.

Как позднее я узнал, вчера на работу пришёл такой же чудик, как и я, и коллектив радовался «сильному пополнению» в своих рядах.

— Дима, после совещания останься, решим с тобой, в каком кабинете будешь сидеть.

— Хорошо, Светлана Петровна.

Совещание прошло довольно быстро: кто-то просил машину, кто-то отчитывался о проделанной работе, кого-то Светлана Петровна ругала за плохие показатели и т. д.

— Ну всё, если вопросов нет — расходимся по кабинетам, начинаем работать. Так, Дима, возьми пока ключ от двадцать пятого кабинета, посидишь пока там, девушка в отпуске. Потом подберём тебе постоянный кабинет. Да, и ещё: мы тебе срок стажировки сделали немного больше — шесть месяцев. Ты всё-таки «с гражданки» к нам пришёл. Если сработаемся, стажировка войдёт в стаж.

— Разрешите идти?

— Да, конечно, иди, осваивайся.

Подходя к кабинету с ключами в руке, встречаю своего нового знакомого, с которым познакомился во время прохождения медкомиссии.

— О, привет!

— Привет. Ты смотри, у него уже личный кабинет! Быстро в гору пошёл. Так ещё немного — и станешь генералом! Даже немного завидую.

— Да вот, осваиваюсь...

Войдя в кабинет, я увидел страшный беспорядок: рабочая документация валялась где попало — стопками, мелкими кучками и просто так. Складывалось впечатление, что здесь сидит неряха, а не следователь.

Вдруг дверь резко распахнулась, и в кабинет вошёл молодой парень небольшого роста, в костюме, явно купленном на вырост.

— Здорово! Меня Виктор зовут, а ты вроде Дима?

— Да...

— Это Светлана Петровна про меня говорила. Я вчера устроился. Раньше работал в ОМОНе на «Белом лебеде», но там женщин почти нет, а я ужасный бабник, вот и перевёлся сюда, в следствие.

На его лице расплылась широкая улыбка, а в глазах появился блеск. Казалось, будь у него клыки, с них бы капала слюна — как у волка при виде добычи.

— Кого-нибудь присмотрел? — спросил я.

— Да, уже! А ты разве ещё нет?

— У меня жена...

— Да ты чего! У всех есть жёны и мужья. Ты же сидел на совещании и должен был видеть, какой здесь бл...ский клондайк!

— Не-е, Вить, я пока подожду.

— Заходи, я в четвёртом кабинете сижу, нас там двое. Ещё один парень, Игорь, сдвинутый на работе.

С этими словами он так же резко вышел из кабинета, как и вошёл, захлопнув за собой дверь.

Через некоторое время дверь снова открылась — уже не так резко, и в кабинет вошла Светлана Петровна.

— Ну что, осваиваешься?

— Да.

— На тебе твоё первое дело. Почитай. Оно неочевидное («глухарь»). Там у меня написан перечень необходимых мероприятий — я так буду делать, пока не научишься.

Выходя из кабинета, она добавила:

— Дима, приберись здесь, бумаги разложи стопочками — одним словом, наведи порядок, а то Ира, которая здесь сидит, ужасная неряха.

— Хорошо, Светлана Петровна.

Она вышла, а я открыл дело. В нём было около десяти листов рукописного текста — в основном бланки объяснений, написанные неразборчивым почерком. Довольный по уши, я принялся читать.

Речь шла о краже кур из сарая. В качестве возможного подозреваемого («врага») был допрошен молодой парень, ранее судимый житель этой же деревни.

Я несколько раз перечитал дело, строил догадки, выдвигал гипотезы, прорабатывал версии. Но у меня ничего не получалось: не строилась логическая цепочка.

Затем я прочитал рекомендации Светланы Петровны. Своими словами там было написано примерно следующее: перепиши объяснения всех свидетелей, потерпевших и прочих фигурантов с бланков объяснений на протоколы допросов, назначь экспертизы (если с места происшествия что-то изымалось) и приостанавливай дело за розыском подозреваемого.

Переписать объяснения вовсе не означало, что надо что-то подделать или кого-то обмануть. Необходимо было всех вызвать повесткой и ещё раз записать их показания, только на другой бланк. И вот здесь начиналось то, о чём я говорил выше: люди просто не понимали, зачем нужно всё это бумагомарательство, ведь они уже давали показания. К чему всё это крючкотворство? Короче говоря, полная задница.

Так за размышлениями и попытками распутать это «преступление века» я не заметил, как наступил обед.

Знания, что за отведённое на обед время я не успею съездить домой и обратно, а опаздывать на работу в свой первый рабочий день мне страшно не хотелось, заставили меня пойти в ближайший ларёк. Я купил пакетик сока и популярный тогда шоколадный батончик «Сникерс», реклама которого гласила: «Съел — и порядок!». Пошёл на берег протекающей рядом реки, сел и, наслаждаясь видом, съел, запивая соком, эту липкую, сладкую и абсолютно не подходящую для обеда субстанцию.

После обеда я гордо подошёл к кабинету, в котором временно работал, достал ключ и с видом настоящего следователя открыл его.

Примерно через час дверь снова открылась, и в кабинет вошла симпатичная девушка.

— Привет!

— Привет.

— Я твоя наставница. Светлана Петровна мне только что сказала, что ты временно сидишь в Иркином кабинете. Вижу, тебе уже успели дать «глухарь»? Дай взгляну.

Бегло пролистав дело, она сказала:

— Ну, всё как всегда. Вызови всех фигурантов, перепиши их показания в протоколы допроса, назначь экспертизу по пальчикам и можешь приостанавливать дело за розыском обвиняемого. Бланки должны где-то здесь быть. Понятно?

— Нет, для меня всё это совсем не понятно, и я понятия не имею, как эти бланки заполнять. Я даже не знаю, как выписать повестку!

— Ты до этого кем работал?

— Токарем на заводе.

— Так ты к нам «с улицы» пришёл...

Все эмоции отразились на её лице: удивление, негодование, возмущение. Особенно отчётливо читался протест против того, что ей в стажёры опять дали человека, который по линии следствия абсолютно ничего не умеет.

— Не переживай, — сказала она уже спокойным голосом. — Я всему тебя научу: и повестки выписывать, и людей допрашивать. О деле не переживай, выполняй инструкции и, самое главное, о сроках не забывай.

— Я хочу его домой взять — почитать, поразмыслить.

— Даже не думай! Никогда не бери уголовные дела домой. Дома будь с семьёй, а работа пусть остаётся на работе. В конце смены зайди к Светлане Петровне: она что-то по поводу школы милиции тебе хочет сказать.

— Хорошо.

— И, между прочим, меня тоже Света зовут.

— Очень приятно!

По поведению Светы было видно, что она хоть и работает следователем не очень давно, но уже полностью вникла в работу, отлично разбирается в Уголовном кодексе и, несмотря на молодость, арестовала уже не одного «врага».

В конце рабочего дня я, как и обещал, зашёл к Светлане Петровне.

— Светлана Петровна, вызывали?

— Да, проходи, садись. С завтрашнего дня, чтобы не ходить в школу милиции, пойдёшь в городской отдел. Там для своих следователей организовали ускоренные занятия — целенаправленно для следствия, что-то вроде курса молодого бойца. Я тебя туда впахнула: нечего тебе шесть месяцев в школе милиции прохлаждаться. Закончишь месячные курсы, а чего не поймёшь — по ходу работы научим. Всё понял?

— Да, Светлана Петровна.

В её голосе я почувствовал уже совсем другое отношение к себе — не такое приветливое, как утром. Чувствовалось, что она начальник, а я подчинённый.

— Разрешите идти?

— Нет, подожди. Дело твоё я никому не передаю. Курсы месячные — по окончании вполне успеешь закончить его в срок. Всё, можешь идти, ждём тебя через месяц.

Затрудняюсь ответить, радовался я тогда или нет. С одной стороны, вроде всё хорошо: от школы милиции откосил, целый месяц буду на лекциях отдыхать. С другой стороны, дело от меня никто не забрал, сроки по нему идут, и, поскольку оно у меня первое, я жутко переживал: успею — не успею, куда бежать, кого спросить и всё в таком духе.

ВМЕСТО ШКОЛЫ МИЛИЦИИ

На следующий день я пришёл в городской отдел, зашёл в кабинет, который мне указала Светлана Петровна, сел на свободное место и стал осматриваться.

Ребята все такие же молодые, как и я, ведут себя свободно, весело, о чём-то разговаривают. По манере их общения было видно, что они уже давно знакомы друг с другом. Правда, суть их разговоров я понимал с трудом: они говорили на каком-то пока не понятном мне языке, кого-то цитировали, что-то обсуждали.

И тут я понял: они все (а их было человек двадцать) из одного отдела, уже некоторое время работают в милиции, свободно изъясняются на юридическом языке и ведут уголовные дела. Мне вдруг стало страшно и стыдно. Я осознал, что учёба моя будет трудной, долгой и покажется сущим адом. В предвкушении начала занятий я почувствовал себя школьником, не выучившим домашнее задание: когда ты не знаешь чего-то очевидного, а весь класс над тобой смеётся.

Мои размышления прервал преподаватель, вошедший в класс:

— Здравствуйте! Меня зовут Михаил Юрьевич. Я буду преподавать БСП (боевую и специальную подготовку). Не думайте, что она нужна вам меньше всего. В вашей работе вам не раз и не два придётся оставаться с преступником один на один. Многие из вас, наверное, уже поняли, что можно написать «оперу» отдельное поручение и он всех найдёт и задержит. Но так будет не всегда: когда-нибудь и вам самостоятельно придётся это делать.

Занятия он вёл профессионально, его было очень интересно слушать. К тому же занятия по БСП давались мне довольно легко: там я кое-что понимал — в отличие от предметов, которые вели непосредственно профессиональную следственную подготовку (Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы). Там для меня по-прежнему был тёмный лес. Другие предметы мне также давались неважно: например, я никак не мог освоить криминалистику.

За время этих месячных курсов я узнал много нового, интересного и полезного для собственного развития. Преподаватели были самые разные: некоторых невозможно было слушать (бубнили себе что-то под нос — ни хрена не разобрать), другие, напротив, вели занятия так, что и уходить не хотелось.

Ребята, кому что-то было непонятно, переспрашивали, уточняли. Я же не мог себе этого позволить: мне почти всё было непонятно, и на большинстве занятий я сидел ничего не понимающим, абсолютным болваном.

Так день за днём пришло время экзаменов. Как и предполагалось, БСП я сдал довольно легко: собрал и разобрал на скорость пистолет, изобразил в кабинете подобие задержания преступника — и всё. А вот на специальном экзамене по профессии следователя была полная задница.

Всех вопросов я уже не помню, но один вьёлся в память на всю жизнь — это было медицинское освидетельствование.

— Кто готов отвечать? — спросил преподаватель.

Я сижу как дурак, смотрю на билет как баран на новые ворота и не могу связать слово «освидетельствование» с медициной. В голове крутится банальное слово «свидетель». «Ладно, — думаю, — если всё равно отвечать не готов, сиди не сиди — знаний не прибавится».

И со словами «Я готов!» вышел к доске.

— Билет номер восемь, медицинское освидетельствование.

Положив билет преподавателю на стол, я со словами «пык-мык» начал нести полную ахинею про то, как важна и нужна роль свидетеля в уголовном деле.

Преподаватель долго не выдержал. По неизвестной мне причине он не стал говорить о незнании билета, а быстро направил меня в нужное русло, разъяснив, что речь идёт о получе-

нии травм, их медицинской фиксации и степени тяжести. Дальше он почти весь билет ответил за меня, а я лишь изредка вставлял свои реплики в его предложения. Благодаря такому чудному везению я окончил эти специальные курсы и с гордо поднятой головой вернулся в отдел.

ГОРДОЕ ЗВАНИЕ — МЛАДШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

На следующий день, когда я пришёл на работу, на утреннем совещании Светлана Петровна сообщила мне, что хозяйка моего кабинета вернулась из отпуска и я теперь буду сидеть в своём постоянном кабинете № 4 — причём не один.

— Дима!

— Да, Светлана Петровна?

— Останься после совещания, остальные разойдитесь по своим кабинетам.

Подождав, пока все выйдут, я подошёл к Светлане Петровне.

— Дима, на, получи ещё два уголовных дела (естественно, неочевидных), возьми ключ от кабинета и иди осваивайся.

— Хорошо. Разрешите идти?

— Да, иди.

Зайдя в кабинет, я был приятно удивлён его размерами: он был гораздо больше моего временного, да и порядка там было намного больше.

— Всем привет! — поздоровался я с обитателями кабинета.

Виктор радостно вышел мне навстречу и, протянув руку для рукопожатия, сказал:

— Привет! Проходи, знакомься: это Игорь.

Игорь, приподнявшись из-за стола, протянул руку. Я тоже представился:

— Дима, ваш новый младший следователь.

— Очень приятно. Занимай своё новое рабочее место: как видишь, свободным осталось только одно.

Рабочее место, прямо скажем, было не очень — у стены за дверью. Как потом оказалось, расстраивался я зря: оно находилось за дверью, и меня очень часто не могли найти на рабочем месте, а я между тем никуда не уходил — просто сидел себе тихонько за печатной машинкой и делал ежедневную рутинную работу.

По Игорю действительно было видно, что он карьерист и в нашем кабинете «глухаристов» долго не задержится. Жил он с родителями, был не женат, очень опрятен и интересовался только работой да музыкой, которой у него была большая коллекция.

Виктор, напротив, был очень весёлым, компанейским и ужасно несобранным парнем. Его интересовало что угодно, только не работа. Он мог получить уголовное дело, не читая бросить его в стол и вспомнить про него только тогда, когда нужно его уже приостанавливать или заканчивать.

После непродолжительного приветствия я сел за свой новый рабочий стол и, открыв одно из только что полученных дел, начал было с ним знакомиться.

Примерно через полчаса дверь открылась, и из-за неё, приветливо улыбаясь, показалась моя наставница Света.

— Чем занимаешься?

— Да вот, с делом знакомлюсь.

— Ты если что не поймёшь — заходи ко мне, я подскажу.

— Хорошо.

— Вообще-то я заходила предупредить: через пару дней моё дежурство, и ты как мой стажёр перед самостоятельными дежурствами должен со мной поездить на вызовы, поучиться осматривать места происшествий ну и всё такое.

— Да без проблем! Скажешь когда — и я готов.

— Ну ладно, я пошла, если что — заходи.

С этими словами она вышла.

— Ну ни хрена себе! — произнёс Витя, встав со стула и слегка проглатывая слова от удивления. — Димон, она с тобой явно заигрывает!

— Да ну, Вить! Она просто весёлая и жизнерадостная.

— Дима, не будь дураком! Посмотри на неё: вся жизнь и радость у неё скрываются под одеждой. Думаешь, она тебя просто так с собой в ночное дежурство зовёт? Я её, пока ты учился, целый месяц безрезультатно обхаживал, а тут — на тебе! Только пришёл — и она тебя зовёт подежурить.

— Да она меня просто хочет чему-нибудь научить, я же её стажёр.

— Думай что хочешь, но ты будешь полным дураком, если не воспользуешься этой возможностью.

— А вы видели её мужа? — подал голос Игорь. — Я здесь работаю дольше вас, вместе взятых, и неоднократно его видел. Он к ней время от времени приезжает, забирает после работы. Поверьте мне, лучше встретиться с поездом в тоннеле метро, чем с ним. Он очень здоровенный. Забудьте вы про неё! К тому же у них в семье всё в порядке.

— Да блин... гадство... вот чёрт... — произнёс Витя, садясь за свой стол. Слюни при этом летели у него в разные стороны.

Надо учесть, что он одессит, и когда волнуется, выражает эмоции с характерным лексиконом. От этого его фразы становились только причудливее.

Так за разговорами незаметно для нас пришло время обеда. Куда идти обедать, я, как и в первый рабочий день, не представлял. Мой желудок спас Виктор.

— Димон, ты где обедаешь? — спросил он.

— Не знаю, пойду куплю чего-нибудь в ларьке.

— Пошли со мной в столовку! — предложил Витя.

— Пошли, если недалеко.

Столовка и правда была недалеко — на соседней улице при каком-то заводе. Цены там были умеренные, а кормили вполне вкусно.

После плотного обеда, возвращаясь в отдел, мы зашли в попавшийся по пути магазин — без всякой причины, просто чтобы убить свободное время. Осматривая прилавки, послонялись немного по торговому залу, и уже на выходе Витя увидел симпатичную кассиршу. И понеслось!

— О-о, привет, симпатичный, загадочный кассир!

— Здравствуйте...

Она была явно воспитаннее Виктора и вежливо пыталась ему намекнуть, что он мешает ей работать. Но Витя не унимался.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Марина.

— Меня — Виктор. Я старший следователь.

При этом он достал какую-то визитку, отпечатанную явно на машинке, и «торжественно» вручил ей.

— Спасибо, мне она не нужна, — застенчиво сказала Марина.

— Бери-бери, — настаивал Витя. — Вдруг пригодится! Чем думаешь заниматься вечером?

— Встречаюсь со своим женихом, мы идём сегодня в кино.

— Пошли лучше со мной!

— Нет, спасибо, я не могу: я уже ему обещала, и вообще у нас скоро свадьба.

Глядя на часы, я не мог не вмешаться:

— Марина, извините его: он дурно воспитан... Витёк, обед закончился, пошли на работу! С большим трудом вытащив его из магазина, мы направились в сторону отдела.

— Витя, ты вроде не старший следователь? И откуда у тебя визитка?

— Да не бери в голову! Это я так, для понта, сам на машинке напечатал, чтобы с девчонками знакомиться. «Старший следователь» ведь круче звучит, чем «младший»!

— Слушай, а давай на каждом обеде с кем-нибудь знакомиться? Смотри, сколько вокруг всяких магазинов, киосков и всего такого! — предложил вдруг Витя.

— Ну не знаю, можно попробовать...

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Ровно в 10:00, как и было написано в повестке, постучав в дверь, в кабинет вошёл мой первый подозреваемый. Точнее, это я его сделал подозреваемым: в деле он был допрошен в качестве свидетеля — и то только потому, что жил рядом и был ранее судим.

Скорее всего, опер, чтобы не везти с выезда «голый глухарь», опросил первого, кто пришёл на память, да и материал опять же получше будет, а это хорошо. Как я позднее неоднократно убеждался: толще дело — чище попа.

Из материалов дела следовало, что мой подозреваемый в день преступления сидел дома пьяный и смотрел телевизор.

Именно это и не давало мне покоя. Я не мог понять, как можно сидеть пьяным и смотреть телевизор. Обычно людей тянет на подвиги ну или просто на приключения, а этот сидел и смотрел телевизор!

Полон решимости «расколоть врага», я начал допрос.

Поскольку собственной тактики допроса у меня не было, я решил использовать увиденную ранее у знакомого опера: неторопливый, но всезнающий следователь. Говорить при этом полагалось спокойно, но очень убедительно. Так я и старался делать.

— Ну, проходи, садись, — начал я с полной уверенностью, что у меня всё получится. — Рассказывай: куда дел кур? Я практически всё знаю, так что решил тебе шанс дать облегчить свою участь.

Парень, нахмутив брови, опустил голову.

— Я кур не брал, — прошипел он едва слышно сквозь зубы. — Я уже это оперу говорил. Пьяный я был, сидел дома и смотрел телевизор.

— Ну-ну, не рассказывай мне сказки! Кто, будучи пьяным, смотрит дома телевизор?

Парень продолжал негромко шипеть сквозь зубы:

— У нас в деревне больше делать нечего. Дискотек нет, кино только по выходным, девки все разъехались по домам после летних каникул, фонари на улице и то не горят. Автобусная остановка далеко, с пацанами вечером не посидишь...

Понемногу в наш разговор стал вмешиваться Виктор. Он медленно встал, надел на руки боксёрские перчатки, которые достал из стоящего рядом с его столом шкафа, и запрыгал перед моим допрашиваемым в нелепой боксёрской стойке, не выражавшей никакой реальной угрозы.

— Слышишь, тебя нормально спросили: где курицы?! — начал Виктор, размахивая кулаками в перчатках перед лицом парня.

Я не сильно преувеличу, если скажу, что эта сцена напоминала баснословный сюжет: Слон и Моська. Парень хоть и был явно испуган, но внешне значительно превосходил Виктора в размерах. Неизвестно, чем бы закончился их спарринг, встретиться они в тёмном переулке.

Вскоре Витя успокоился, и я смог продолжить допрос.

— Послушай, почему опер по курам именно тебя зацепил?

— Не знаю. Может, я ему первым из кандидатов на глаза попался? Может, потому что судим? Может, настучал кто? Я правда не брал этих кур!

В конце концов всё получилось так, как мне говорила наставница Света: я тупо переписал его показания из бланка объяснения в бланк протокола допроса свидетеля, после чего вынужден был отпустить его — несмотря на все Витины возражения.

— Димон, ты чего наделал?! Давай его немного попытаем! Я чувствую, он вот-вот расколется!

— Витя, тебе же объясняли: наша работа, «глухаристов», заключается в другом. Просто переписываем объяснения в протокол допроса — и всё.

Витьку можно было понять: ему как бывшему омовцу хотелось кулаками и ногами помахать, применить где-нибудь свою «невиданную» силу, допросить кого-нибудь с пристрастием ну и всё такое. Я же пока мало в этом понимал и предпочитал сначала научиться, а потом действовать.

ПЕРВОЕ ДЕЖУРСТВО

Через пару дней, как и обещала Света, она заступила на суточное дежурство, заранее предупредив меня. Пистолета у меня пока не было; от меня требовалось иметь при себе немного денег (на случай обеда при длительной задержке на выезде), никуда без разрешения не уходить и найти себе место для ночлега.

День начался как обычно: после утреннего совещания сел за рабочий стол, назначил какую-то экспертизу, написал оперу отдельное поручение (на которые они чаще всего отвечали справками, даже не пытаясь ничего выполнить). Своей работы у них было предостаточно, а за справкой с ответом нужно было ещё побегать. Бывали случаи, когда следователь, отдавая оперу отдельное поручение, сразу отдавал и справку с ответом, заполненную собственноручно — чтобы тот просто расписался, и довольный следователь тут же подшивал её в уголовное дело. Обе стороны при этом получали желаемое: следователь — справку, а опер — свободное время.

Ближе к обеду в кабинет позвонила Света и сообщила, что мы едем на кражу продуктов из столовой.

Прибыв на место преступления, наставница объяснила мне, что первым делом необходимо составить протокол осмотра места происшествия.

— Смотри: чтобы не запутаться, войдя в помещение, осматривай его справа налево или наоборот — как тебе удобнее. Не торопясь записывай всё, что видишь. Если разбито окно — описываешь размер окна и размер отверстия, через которое проник преступник. Разломана мебель — описываешь мебель. Самое главное, запомни: всегда пишешь только то, что видишь. Никогда не пиши протокол осмотра со слов потерпевших, неважно, что они говорят. Если на момент осмотра всё исправлено, дыры заколочены, сломанные двери поменаны — значит, так и пишешь. Неважно, что было до этого. Всё понял?

— Да, — ответил я с любознательным видом.

— Запомни ещё: следователь в оперативной группе — самый главный. Само собой, все знают, что делать, их ведь тоже учат делать работу грамотно. Но время от времени тебе придётся их подгонять, так как за все их ошибки спросят с тебя как со старшего. Купи себе папку — ровную, без всяких рифлений, чтобы писать было удобно. В половине случаев писать тебе будет негде, а так очень удобно: подложишь папку и стоя пишешь всё, что нужно.

— Хорошо, куплю.

Мне действительно всё было очень интересно: для человека, недавно отошедшего от токарного станка, всё это казалось работой спецагента, расследующего что-то крайне важное.

Мы сделали примерно половину работы, когда к нам обратилась женщина деревенской наружности в белом халате:

— Молодые люди, вы, наверное, проголодались?

— Да, есть немного, — ответил не растерявшийся опер.

— Пойдёмте к столу, время-то обеденное. К счастью, продукты украли не все, и кое-что мы смогли наскрести.

На столе в обеденном зале стояла огромная сковорода с яичницей — десятка два яиц, не меньше. Поглотив приготовленную вкуснятину, мы доделали работу и поехали в отдел. Больше ничего интересного в это дежурство не было.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.